

литературный журнал VERBA

ПРОЗА ПОЭЗИЯ КРИТИКА ПЕРЕВОДЫ МАСТЕРСКАЯ РАЗНОЕ

Поиск

Искать

Линькова В. П. «Термитник». В чём новаторство экспериментальной книги Лидии Григорьевой? // Verba. Выпуск 9, 2025

Выпуск 9

МАСТЕРСКАЯ

pdf-версия
рукописи

«Термитник». В чём новаторство экспериментальной книги Лидии Григорьевой?

ЛИНЬКОВА
Вера ПетровнаПетрГУ (Петрозаводск),
nasto-o8@mail.ru

Принята к публикации: 20.05.2025;

1. КЛЮЧ К ОСМЫСЛЕНИЮ КОЛЕСА САНСАРЫ

Зная Лидию Григорьеву как мастера утончённой поэзии, изящного создателя такого жанра как кино- и фотопоззия, её психологические опыты в рассказах, я, признаться, не сразу восприняла её новое изобретение – «Термитник». На первый взгляд, показалось, что это хаотичный набор незавершённых сюжетов, каждый из которых следовало бы развить в полноценное произведение. Или, стоит определять Сюжет, как самостоятельный литературный жанр? – подумалось мне. Или... это теперь такие микроповести, особенно удобные для чтения в эпоху клипового мышления? Таковы были мои раздумья при виде рассыпанных по интернету отдельных фрагментов «Термитника».

Другое дело – книга!

Обложка столь искусно передаёт двойственное ощущение города и термитника одновременно, что невольно восклицаю:

- О боже! Я чувствую себя обитателем термитника! Так не должно быть!

- Но так есть! – будто слышу из вентиляционных отверстий остроконечных сооружений. – Во тьме лучше: всего сразу не разглядеть...

«Термитник стоял на пути каравана, и бедуины, в ущерб всему разумному, обходили его стороной» - читаю под заголовком «РАЗ».

«Зачем и почему строились эти башни, эти города, эти улицы и проспекты, никто из караванщиков не знал».

И этот термитник на пути бедуинов сразу же стал для меня ключом к осмыслению рассыпанной мозаики психологического параллелизма. Своими жизненными нюансами, необдуманными поступками, порою алчностью, порою неумением любить -

мы заполняем мироздание:

«... То есть, здание мира, где идёт постоянная и неустанная работа над чем-то бессмысленным и бесполезным, как некое произведение искусства, как этот термитник, от которого никому никакой пользы не предвидится».

РАЗ, ДВА, ТРИ... Будто иду и считаю ступени, как бы упорядочивая сумбур и хаос мимолётных взглядов. Вырванные из контекста жизни обрывки чьих-то судеб... Лестница не ведёт ни вверх, ни вниз. Она как бы параллельна заведомо верным смыслам. Параллельна трактовкам – «так должно быть», «так надо». Штрихи и наброски без наслоения красок то улыбаются, то хмурятся: наверное, так не должно быть, но «так есть!»

Собранные под единой обложкой миниатюры уже не кажутся мне схематическими конспектами, набросками к чему-то не созданному. Тогда что это? Авангардно-экспериментальное произведение? Всё необычно новое, как правило, требует своего осмысления. И я пытаюсь исследовать элементы новаторства Лидии Григорьевой. Смысловая полифония! Ключ к осмыслению колеса сансары! Композиция, расставляющая мимолётные взгляды по числу лестничных ступеней! Самобытная «фигура речи», состоящая из алогизмов, каламбуров, парадоксов и прочих художественных приёмов... Пытаюсь взглянуть.

2. МЕТАФОРИЧНОСТЬ АЛОГИЗМОВ

Ступени лестницы резко различимы по своей конфигурации. Если «РАЗ» озадачивает философским смыслом бедуинов, то «ДВА» уже выпукло смеётся своим взбалмошным алогизмом:

«- Но ведь Моцарт не играл на гобое!»

- Ничего. Для меня бы заиграл...»

Кто эта дама? Почему она так беспрекословно уверена в своей уникальности? Ничего не известно. Просто мимолётный взгляд. Штрих, обозначающий черту характера. У этой черты не будет ни развития, ни продолжения. А впрочем, это и не нужно. Лакопичное построение алогизма, вызывающее улыбку. Да, где-то какая-то особа столь высокого о себе мнения... А может, и она просто смеётся над собой? Я не знаю достоверности содержания её улыбки. Но мне достаточно и того, что она просто откуда-то случайно возникла. Просто есть.

Я чувствую, как помимо разрушения логических и причинных связей, каждая новая по счёту ступень продвигает авторскую речь по острию случайных ассоциаций. Вот ещё фрагмент чьей-то не сложившейся жизни, взгляд на некогда близкого человека через время отчуждения:

8. « После всего, что случилось, они больше не виделись. Но однажды в Париже на бульваре Капуцинов, за соседним столиком спиной к ней воссел большой обжористый инвалид и стал шумно и смачно, буквально взасос, поглощать мидий.... Он всё всасывал и всасывал в себя объедки со стола несостоявшейся судьбы».

И если прежде мне хотелось посмеяться вместе с особой, утверждающей, что для неё Моцарт сыграл бы и на гобое, то теперь сама метафора – «всасывал в себя объедки со стола не состоявшейся судьбы» – как горчичное зёрнышко расщепляет и собственные грустные воспоминания. Сколько всяких встреч и расставаний случалось у каждого! А время до неузнаваемости меняло людей... А чувство любви, словно бы проходя через колесо сансары, обращалось в чувство неприязни и отвращения... И вроде бы так не должно быть, но так оно есть.

3. ШТРИХОВАЯ СЕМАНТИКА, КАЛАМБУР

Хаос разноуровневых ступеней внезапно погружается в своеобразную семантическую игру :

12. Молодой менеджер боялся лифтов. Однажды его повысили в должности - аж до 45-ого этажа!... И вот застрял! И просидел в лифте около 8 часов, и даже не заметил этого. Ведь её звали Алиса, как любимую героиню зачитанной в детстве книжки...

17 «Не расстраивайся!» - сказала она. А он взял и расстроился! Трое внебрачных детей одновременно в разных городах – это вам не фунт изюму. Это три его копии...

24 «Она повесила трубку. И повесилась. Но неудачно. И решила повесить новые занавески»

Множество непредвиденных случайностей. Такая своеобразная квази-реальность, похожая на виртуозную игру обстоятельств, обрастающих горестно-правдивой метафоричностью:

Задаю вопросом, в самом ли деле произведение Лидии Григорьевой «Термитник» относится к экспериментальной авангардной прозе? Каковы критерии? Читаю определение:

Экспериментальная литература (тж. Авангардная литература) — это совокупность литературных жанров и стилей, одной из основных черт которых являются литературные новшества, в первую очередь в области формы.

4. СВОЕОБРАЗИЕ ФОРМЫ

Так в чём же своеобразие формы «Термитника»? В книге 3 части, включающие в себя 120 микросюжетов. Собранные вместе, они представляют собой целостную картину. Картину, в которой краткими штрихами передаётся внутренняя структура «духовного» мира человека во взаимодействии с парадоксальностью внешних обстоятельств.

К элементам новаторства можно отнести и то, что название миниатюр автор заменяет числовым рядом. Будто человек предъявляет жизни свой счёт. Так отсчитываются шаги. Так отсчитываются часы, минуты, секунды всего переживаемого в парадигме «сорок сороков». Наверное, именно поэтому каждая часть «Термитника» завершается на числе 40. Обрываясь,

счёт начинается сначала. Наверное, так удобнее обозначается сама непрерывность лестницы, ведущей к осмыслению жизни. К осмыслению, но уже с точки зрения читателя, которого автор погружает в философские раздумья и даёт импульс к осмыслению собственного существования на этой земле.

5. СМЕШЕНИЕ СТИЛЕЙ

Экспериментируя, Лидия Григорьева использует такой приём, как смешение стилей. Притчи, аллегории, поэзия, юмор, сатира, драма – всё, чем наполнена наша жизнь, – присутствует в «Термитнике» в виде неких, зачастую, бытовых микросхем. Но сами они, условно так называемые микросхемы, вовсе не относятся к разряду упрощённых конструкций. Здесь открывается целый спектр изобилия художественных средств. Такие литературные «тропы» как метафора, эпитет, каламбур – придают разножанровым миниатюрам органичную целостность. Вот явные примеры **притчи и аллегории**:

39. Он мчался вперёд. Шёл по головам. Тонул в болоте сам и топил других. Однажды его сбросили со скалы в горную реку и ушли...» «И он пошёл дальше. Что-то ведь влекло его, что-то манило. Сила какая-то неведомая. Невидимая. «И он опустился на землю и понял, что пришёл. Он видел перед собой ещё один холм. А на нём маленькую часовенку. И горстку людей, спускающихся ему навстречу. «А мы ждали вас, – сказали они. – Нам сказали, что пришлёт священника. Преподобного убили. Тут, знаете ли, такие дикие места: волки, медведи, и люди хуже, чем голодные волки». И он неожиданно радостно понял, что они не ошиблись! Что он ничего не растерял по дороге, кроме ненужных ему вещей. Что он помнит наизусть все молитвы, которые читала по утрам и вечерам его мать....»

40. «Нет такого карпа, который плыл бы против течения к истокам реки и не мечтал бы стать драконом!»

А теперь, дети, переведите это на китайский, ханьский язык! А ты, Конфуций, выйди из класса и не подсказывай!»

Во второй части «Термитника» спотыкаюсь на 4-ой ступени. Здесь и юмор, и лёгкая сатира, обличающая пошлую привычку – подсматривать, выслеживать... И непредрежённость финала, как наказание за само желание следовать этой не искореняемой привычке.

«Ночь перед торжеством Алевтина Лаврентьевна Нечаева провела в подсобке уборщицы института тяжёлых металлов. Привычка отслеживать парочки целующихся аспирантов осталась у неё с советских времён....» «Доктор наук, а ума – нема» – подумала она, засыпая на груди каких-то, как ей показалось, матрасов, совершенно забыв о том, что утром в актовом зале должно было состояться торжественное вручение наградной медали от Академии естественных наук.... Она жадно спала в объятиях сладостных воспоминаний, не зная, что подсобка будет закрыта ещё на три дня, потому как уборщица Айгуль улетела в Киргизию на похороны своего отца.»

Новаторство Лидии Григорьевой, на мой взгляд, проявляется ещё и в её уникальной способности – краткими штрихами опознать трагическую драму, свершившуюся, казалось бы, из-за утраты какой-то малозначимой вещицы. Под числом 9 читаю:

«Этого жука он уже видел. Изумрудный красавец скарабей был украшением коллекции его дяди, как и рубиновая божья коровка. Всё дело было в том, что изумруды и рубины тут были настоящими. Так же, как и большие сапфировые глаза хрустальной стрекозы. Разве мог десятилетний ребёнок устоять перед их красотой. Они были как живые. Он просто взял их поиграть. Но жук и вправду потихоньку уполз от него и провалился в щель за шкафом. Божья коровка и стрекоза вылетели в открытое окно. Но никто ему тогда не поверил. Ну, что... С дядей инфаркт. Родители развелись. Остатки коллекции были распроданы. Он остался полусиротой.»

Финал будет необычным, как закольцованные сонеты Шекспира.

Или вот ещё, под числом 19 второй части. Контраст между мечтою и реальностью, создающий насмешливую картину удручающей **нелепицы**:

«Она хотела петь томным голосом в ночном клубе для богатых, извиваясь в серебряном узком платье, как у Марлен Дитрих. А пела в церковном хоре, в длинной серой юбке и платке, который вечно сползал то на лоб, то на затылок.»

6. ПОЛИФОНΙΑ СМЫСЛОВ

Бегут ступени лестницы. Ускоряются шаги. Возвращается сброшенный счёт. Ускоряется время. Время заполняется полифонией самых разноречивых смыслов. Вчитываясь в каждую миниатюру, сначала не могу выделить какой-то одну основную мысль. Каждая строчка – это новое звучание, порой перечёркивающее только что сказанное. Один смысл переполняет предыдущий и то дополняет его, то попросту опрокидывает. Захотелось проанализировать такую вот драму, переданную игрой смыслов. Возьмём для примера хотя бы сюжет 24 из второй части «Термитника»:

Экзистенция порыва:

«Витя-витя-витя-витя...» - жалобно взывала сигнализация на его новенькой машине. И он выглянул в окно. Фиг что рассмотришь с десятого этажа в такую морось!

А вот социум, говорящий о многом и не требующий расшифровки:

А уж пока дождёшься лифта да обогнёшь их длинный дом. Дом без подземного гаража в новостройке 70-х. Ни продать, ни обменять такое жильё практически невозможно. Он всё же накинул куртку и пошёл к машине.

Метафора, метонимия, экспрессивная семантика:

Но её и след простыл. И он простыл конечно же.

Несоразмерность переживаемой утраты:

Заболел от расстройства. Попал в больницу с воспалением лёгких.

Безразличие, равнодушие:

Были праздники. Он там был никому не нужен. Лежал на каталке в коридоре, на сквозняке. Бредил, повторяя: «Выдача трупов с трёх до шести».

Некорректность, чёрствость:

Эта фраза врезалась ему в память, когда скорая въезжала во двор районной больницы.

Идиотизм:

Пришла бывшая жена и сказала, чтоб Витя не волновался. Она в отпуске, и если что – сможет забрать его с трёх до шести. Особенно, если на помощь придут его братья, ну, если успеют прилететь в Москву из Уренгоя. Погода нелётная.

Фальшь, механическое сострадание от старенькой жены, в унисон новенькой угнанной машине:

Эх, зачем же ты не берёг себя! Эх, Витя, Витя, Витя...»

Множество смысловых концептов перемешиваются, как бы играя с сознанием читателя, затрагивая самые разные струны его переживаний.

Вот третья часть «Термитника» начинается с **жизнерадостного посыла**:

«Жизнь прекрасна! – крикнула она на весь интернет, пока муж сворачивал на скоростное шоссе в объезд Парижа.....»

Ценой неосмотрительности ближнего – авария, кома:

«...И первое, что сказала мужу, очнувшись, словно продолжая тот их восторженный вояж: «Жизнь прекрасна, мой милый! Мы уже проехали Ламанш или стоим в Евротоннеле? Темновато что-то».

Свет любви и темнота тоннеля... Как вечная темнота, опрокидывающая мимолётный свет:

«И умерла с лёгкой улыбкой счастья на сухих, с запёкшейся пенкой, на губах.»

И так в каждой миниатюре, в каждой частице, составляющей целостность романа в штрихах, автор обнажает самые разные моменты состояния. Чаще всего в их многокрасочной гамме цветовых оттенков ярко выражается непредсказуемость жизненных обстоятельств, порочность деградирующего сознания: эгоистичность, глупость, вещизм... несоразмерность ценностей, доводящая до абсурда самого существования.

Абсурд:

*« Он не разрешал ей принимать горячую ванну, потому что могли пострадать антикварные литографии на стенах».
«Судьба-индейка: всю жизнь мыться полухолодной водой...»*

В смысловой полифонии автор означает и много всего парадоксального. Такое случается, когда великодушные побеждают агрессивность и злобу...

Когда любовь становится выше выгоды и пренебрежения... « А мой журавлёнок не отойдёт от койки, вот увидишь..... В пользу любви, мама. В пользу любви!» Когда осмысление разумного превосходит внешнюю несурзность:

« А ведь я когда-то чуть не вышла замуж за кролика! – Ну, то есть, за владельца кроличьей фермы, - ... неожиданно сказала известная пианистка Варваре.»

Когда расчётливость выглядит жалко, а задуманное себя не оправдывает. И на каком-то из пороков чаще всего внезапно, порой нелепо, обрывается жизнь...

И я считаю, что именно в умении автора передать всю противоречивость жизненных коллизий, превращая минимализм формы в глобальность проблемы – и заключается талант Лидии Григорьевой.

Хотя, может показаться, что сравнивать человеческую жизнь с термитником – это слишком смело. Но как раз именно смелость и свойственна новаторству авангардной экспериментальной литературы. Другое дело – внутреннее чисто человеческое несогласие читателя с такой аналогией. И, прочитав роман в штрихах, кому-то захочется воскликнуть: «Не желаю жить в термитнике!» Но, видимо, ради самой возможности возникновения этой фразы, Лидия Григорьева и обозначила короткими штрихами изъяны в человеческом сознании, некое несовершенство, далёкое от идеального воззрения. Она как бы выстроила числовую конструкцию из бесконечного ряда человеческих заблуждений. Всё хаотично, как в термитнике. Хотя в нашем идеальном представлении должно преобладать стремление к совершенному восприятию мира, к некоей упорядоченности с правильным соизмерением ценностей.

7. И ВСЁ ЖЕ, ПОЧЕМУ РОМАН?

Пытаясь ответить на этот вопрос, опять же не могу ограничиться рамками привычного определения. Всё-таки роман должен иметь некую историческую концепцию... Но мы привыкли воспринимать исторический смысл как ход некоей событийности, совокупность реальных фактов. «Термитник» Лидии Григорьевой как бы расширяет рамки привычного воззрения, вплоть до полного их разрушения. Исторической концепцией здесь является многообразие внутреннего мира человека, живущего в определённой временной эпохе. Автор как бы встраивает в общепринятую концепцию ещё один обособленный аспект – человеческое сознание. Если человечество перестанет развивать своё сознание, перестанет искоренять порочность своего мировоззрения, то возможно, в следующем тысячелетии какой-то новый роман будет начинаться с такой квази-реальности: «Однажды я проснулся в гигантском термитнике. Я принимал условия жизни их социума и был таким же термитом, как и они все...». Словом, число ступеней лестницы, ведущей вниз по временному отсчёту деградации сознания, погрузило бы человеческую популяцию в фантазмагорию Франца Кафки «Превращение».

В таком случае, какова же цель данного авангардно-экспериментального романа в штрихах? По-моему, в нарисованной автором картине жизни, собранной из уникальности лингвистических микросхем, на уровне подсознания читателя должен зазвучать единственный рвущий душу лейтмотив: «Люди, взгляните на себя! Не такой должна быть наша жизнь!»

А само определение «романа в штрихах» я нигде не нашла. Это уже чисто авторское изобретение. С чем и поздравляю Лидию Григорьеву!

Просмотров: 280; Скачиваний: 71;

© 2021 - 2025 Петрозаводский государственный университет

Разработка и техническая поддержка - РЦНИТ ПетрГУ

[Политика конфиденциальности](#)

Главный редактор - Львова Ирина Вильевна

verba@petrsu.ru

